

Загрей очнулся, уставившись остекленевшим взглядом в одну точку. Какое-то время он не знал, что и сказать, а потому собрался спать дальше.

Разве он не должен был испытывать волнение? Разве перерождение — это не повод для бурных эмоций?

Нет. Поначалу Загрей, пожалуй, и впрямь немного волновался, но после рождения его чувства постепенно успокоились.

К тому же он пока оставался младенцем и был совершенно не в силах заняться тем, чем хотелось бы.

Теперь он лишь надеялся, что перед смертью успел стереть историю браузера на своем телефоне, ну или что добрые люди отформатируют его устройство. Он и так уже умер, и вторичного позора после публичной гибели репутации ему совсем не хотелось.

Размышляя об этом, Загрей снова провалился в сон — у него никак не получалось оставаться в бодрствующем состоянии, и сам он не понимал почему. Возможно, младенцы просто от природы были склонны к сонливости.

Время неслось вперед стремительно, словно белая лошадь, мелькнувшая за щелью в заборе. Божества, пытавшиеся удержать время, в конце концов падали жертвами его обратного удара. А богиня Рея, жаждавшая повернуть время вспять, все еще блуждала в реке времени, отыскивая силуэт своего супруга, в надежде вернуть жестокого и пропавшего без вести Царя богов второго поколения — Кроноса.

Так пролетело десять лет.

Тот крошечный младенец за прошедшие годы вырос в юношу.

Будучи в прошлой жизни образцовым гражданином мира Голубой Звезды, Загрей всегда был вынужден лишь подчиняться правилам и безропотно пахать на положении рабочей лошадки. Но, к его великому счастью, происхождение отца и матери в этом мире оказалось поистине грандиозным: это в мгновение ока превратило бывшую рабочую лошадку в благородного римлянина, которому в день совершеннолетия — в восемь лет, когда он полностью созреет — достанется частица концепции его деда, что позволит ему вознестись в боги.

Иначе говоря, он стоял на самой вершине этого мира.

Что до того, чтобы полагаться на собственные силы? Шутки в сторону! Когда можно шаг за шагом дожидаться положенного срока и унаследовать семейные богатства, зачем утруждать себя тяжелым трудом и пробиваться с нуля? Теперь, когда ему стоило лишь протянуть руку за одеждой и открыть рот ради еды, о чем еще можно было мечтать?

Сегодня за ним ухаживали чистые и прелестные нимфы, завтра — соблазнительные и очаровательные, а если кому-то не нравились оба этих типа, существовали еще и древесные нимфы.

Конечно, заходить слишком далеко ему не стоило: в конце концов, он пока оставался всего лишь Демоном, и если ему хотелось вкусить высших наслаждений, придется подождать вознесения в восемнадцать лет!

Ведь пропасть между божеством и Демоном была куда глубже разницы между человеком и микроорганизмом — они находились на разных концах мироздания.

Он не мог позволить себе преждевременно наслаждаться тем, что положено лишь богам, какими бы могущественными ни были его родители.

— Диана, дай-ка мне виноградину, — раздался детский голосок Загрея из объятий одной из нимф.

Диана, прислуживавшая неподалеку, услышала слова Загрея, кивнула и произнесла невероятно нежным, чарующим голосом:

— Мой дорогой Загрей, конечно, сию минуту почищу для тебя виноград.

Диана взяла из стоявшей рядом фруктовой вазы крупную фиолетовую ягоду, бережно очистила ее от кожицы и отправила прямо в рот Загрею.

Вообще-то, когда Загрей впервые услышал имя Диана, он изрядно испугался. Ведь так звали богиню луны в римской мифологии.

Но позже он понял, что зря нагонял страху: Диана оказалась всего лишь простой нимфой, причем низшей из них — древесной.

Тем не менее, благодаря этому имени Диана вошла в число трех личных служанок, неотступно ходивших за Загреем.

Что же до двух других, то первую звали Офелия — это была океанида с необъятной, как море, грудью, прижимавшая Загрея к себе так, что тот просто не мог оторваться; а вторую звали Эос, она была облачной нимфой, чье тело отличалось мягкостью и нежностью облаков.

Всех трех нимф даровала ему мать, Кето. Они должны были прислуживать и заботиться о нем до его совершеннолетия.

— Эх, еще восемь лет, мне осталось ждать еще восемь лет, прежде чем я стану божеством, —

вздохнул Загрей.

Его голос еще не успел затихнуть до конца, как извне появилась его матушка — Морская Опасность Кето.

Для прочих существ Морская Опасность Кето воплощала собой жестокость и ужас, но для Загрея она была невероятно мягкой и любящей матерью.

Потому что Кето исполняла практически любые капризы Загрея — за исключением требования позволить ему стать богом прямо сейчас.

Увидев Загрея, устроившегося на руках у Офелии, Кето мягко произнесла:

— Загрей, возлюбленный мой сын, отбрось подобные мысли раз и навсегда. Для таких Демонов, как вы, шанс вознестись в боги выпадает лишь единожды. Он требует сжечь все дотла и до собственного исчезновения исторгнуть из этого мира Божественный Домен. И хотя Божественный Домен, полученный таким способом, всегда принадлежит к числу Первородных, в случае неудачи ты даже собственное тело не сможешь сохранить.

Кето помолчала и продолжила:

— К тому же, даже если ты жаждешь заполучить Первородный Божественный Домен, сделай это после вознесения. В конце концов, став божеством, ты получишь бесконечное множество попыток на ошибку, и твоя жизнь больше не окажется под угрозой.

Заметив, что мать произнесла столь долгую речь разом, Загрей с ласковой улыбкой ответил:

— Матушка, я всё понимаю. Я просто немного ворчу. В конце концов, вы с отцом — божества, а я всего лишь Демон, вот мне и становится тоскливо время от времени.

Кето нежно провела рукой по его лазурным волосам и успокоила:

— Не спеши. Твое нынешнее тело слишком хрупко, да и сам ты еще не до конца развился. Ты же не хочешь после вознесения еще долгие-долгие годы носить этот детский облик?

Загрей кивнул:

— Матушка, я знаю. Я же не глупый, просто к слову пришлось. Мне совсем не улыбается расти на один сантиметр раз в несколько десятков тысяч лет.

Убедившись, что у Загрея и впрямь нет сиюминутного намерения возноситься, Кето наконец

вздыхнула с облегчением. Она вовсе не желала, чтобы ее драгоценный сын погиб из-за какой-то глупой спешки.

Впрочем, по меркам Кето, пара мгновений — это сушая ерунда, всего лишь один короткий сон. Зачем же так торопиться?

— Ах да, Загрей, я заглянула к тебе как раз за тем, чтобы преподнести одну силу, — словно только что вспомнив, произнесла Кето.

— Матушка, что за подарок? — Загрей уже вовсю предвкушал сюрприз.

С его-то огромным опытом прошлой жизни в качестве рабочей лошадки ему не следовало вести себя столь наивно, но то ли окружение было слишком уж изнеживающим, то ли сказывалось влияние детского тела — Загрей совершенно естественно вошел в роль ребенка, который мог без всякого смущения капризничать и ластиться к родителям, ведь балуемым детям всегда достается больше молока.

Глядя на горящие жадой глаза Загрея, Кето не стала томить загадками и с легкой улыбкой бросила:

— Входите!

Сразу после ее слов из-за порога появились три причудливые женщины-чудовища.

У первой волосы напоминали морские водороды, все тело покрывала синяя чешуя, а длинный змеиный хвост за спиной непрерывно извивался, выдавая далеко не самое спокойное состояние его хозяйки.

Вторая выглядела почти так же, как первая, но чешуя на ее теле отливала красным.

Третья же заметно отличалась от предыдущих двух: ее чешуя переливалась всеми цветами радуги, лицо поражало тонкой красотой, волосы состояли из шевелящихся ядовитых змей, а змеиный хвост, в отличие от грубых и диких хвостов первых двух, казался изящным и утонченным.

<http://bllate.org/book/22042/2291878>